

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА «ПИСАТЕЛЬ В ДИАЛОГЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА»

Елена Климович,
БГУ, Минск

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ УНИВЕРСУМ М. ЛУЙО

Мишель Луйо (Michel Louyot, род. в 1938 г.) – современный французский писатель, произведения которого не единожды номинировались на различные литературные премии, в частности, на самую престижную во Франции Гонкуровскую премию. Он родился, по собственному признанию, «на руинах войны»: война, бедность, расставание родителей, внезапная смерть отца, невозможность «укорениться»... Именно на этой экзистенциальной деконструкции зиждется творчество писателя. Письмо является для М. Луйо попыткой реконструкции, реабилитации и реализации идентичности. Фрагментарность письма призвана отобразить множественную гибридную идентичность непосредственно в фактуре текста.

Своеобразие своего художественного универсума писатель объясняет спецификой геопоэтики, уходящей корнями как в историческое прошлое (родная писателю Лотарингия в ходе истории принадлежала то Германии, то Франции), так и в личный опыт (жизнь за границей с 1967 по 1998 гг.). С одной стороны, писатель обогащается, творчески переосмысливает опыт зарубежной литературы (русской, японской, румынской и др.). С другой, везде ощущает себя «чужим» – принадлежащим иной эпохе (не случайно писатель определяет свою идентичность как автразийскую), иной стране, проживая за границей, удаленным и географически, и ментально от литературной жизни всего Парижа у себя на родине. «Внутренняя Лотарингия» становится ключевым моментом, а нередко и основным персонажем новелл и романов писателя. Произведениям М. Луйо присущ синтез «приключений письма» и «письма о приключениях», т.е. сочетание неоавангардистских и постмодернистских нарративных экспериментов и добротного классического стиля. Философская основа творчества писателя – *hic et nunc* («здесь и сейчас») латинов, «вечная весна» японцев, буддизм, воспринятый сквозь призму квантовой физики, «созидающая память» суфизма Сухраварди, христианские концепты Смерть и Воскрешение. В полилоге столь различных мировосприятий писатель находит свою собственную правду жизни, которую воспроизводит, фрагмент за фрагментом в непохожих друг на друга книгах.

М. Луйо умело сочетает юмор и лиризм, реальное и фантастическое, прозу и поэзию. Перу писателя принадлежат несколько романов: роман о событиях Второй мировой войны «Лотарингия» (история о том, как Николя Фруадмон, француз, призванный воевать в рядах немецкой армии и спасенный от гибели украинкой, остается в СССР и становится Никитой Михайловичем Морозовым), автофикции «Барашек у красной двери» (о дяде-художнике Эдмоне Луйо), «Кот Мара» (о добровольно ушедшем из жизни сыне Пьере, поэте, писавшем под псевдонимом Альсид Мара), роман-хайку «Письмо из Кореи», фантазия а ля Гоголь «Воспоминания шляпы», психологический этюд «Снежная скрипка» и др.

Мишель Луйо – автор сборников новелл «Рука из слоновой кости», «Японка из Праги», «Обезьяна Гёте» и др. Новеллы Луйо японски созерцательны. Акцент делается не на событиях, не на неожиданной развязке, но на обыденных, несущественных, на первый взгляд, мелочах повседневной жизни: мяукающем по ночам коте, красном велосипеде китайской студентки, мимолетной встрече в поезде с русской красавицей...

Письмо М. Луйо находится в сложных взаимоотношениях с самоописанием, саморефлексией. В текстах писателя реконструируются реальные события жизни автора, герои нередко имеют прототипов. При этом элементы автобиографии причудливо переплетаются с вымыслом, вплоть до включения фантастических элементов.

Michel Louyot

J'ÉCRIS DE L'EST

C'est à l'Est que se situent mes parages. Je nais dans une Lorraine déchirée, mon enfance est pleine d'histoires de caches, de chambres noires et de perquisitions. Loin du Tout-Paris, cette province est un pays de marches selon les uns, un pays en marge selon les autres. Cette origine périphérique n'a-t-elle d'importance que pour moi ? J'ose croire que non et j'ose écrire que quitter ce pays de bois, d'eau et de verre, c'est longer la lisière, c'est traverser le no man's land, c'est tendre vers la frontière, c'est enjamber le parapet, c'est aller de l'obscur au clair. Je nage entre deux eaux, je vais, je viens dans ma salle des pas perdus, de la chapelle à la prairie, de Lorraine en Ukraine, d'un Berlin à l'autre, de Prague au Japon. Montagne après montagne, rivière après rivière, tel mon oncle de Chine, je doute de trouver un chemin. Il ne me suffit pas d'invoquer des oncles de

фантазие, j'en appelle au Peintre des Nuits car j'ai entendu dire qu'il existe au fond du puits une échelle au cordage tressé de minuscules nœuds et là-haut, à la margelle, au pied de quelque arbre, pommier ou mirabellier, bouleau ou bambou, une table de silence où poser ma page blanche. Écrire pour revenir de loin, écrire pour remonter la pente, pour recommencer à zéro, comme si de rien n'était. Rebelle, l'écrivain de l'Est pratique aussi l'art de l'esquive, il écrit entre les lignes, passe d'un plan à l'autre, zigzague. Écriture qui tangué, valse et fugue, laisse entendre plus qu'elle ne dit, chuchotement au creux de l'oreille, scintillement de la prunelle. Vient le moment où ce n'est plus moi qui écris, mais l'Est qui écrit en moi, car l'Est n'est pas une terre où m'enraciner, un socle où ériger une œuvre, une tombe où mourir, c'est un lieu mouvant, perdu et retrouvé, c'est la direction que prend le voyage, à rebours des invasions, vers un incertain lever de soleil. C'est toujours son premier ou son dernier texte que l'on écrit. Rôle du mourant ou cri du nouveau-né ? Il y a un temps pour tout. Le temps du recueillement, du quant-à-soi, au creux de la vague, le temps de l'étonnement, du jaillissement. Quel genre peut mieux que la nouvelle, entre songe et réel, prose et poésie, traduire ces allées venues, ces passages et révéler de surprenants rapprochements ?

Мишель Луйо

Я ПИШУ С ВОСТОКА

Родные мне места – на Востоке. Я родом из разорванной Лотарингии, мое детство полно историй об укрытиях, темных комнатах и обысках. Эту провинцию, удаленную от «Всего Парижа», одни называют краем оригинальности, другие – краем маргинальности. Происхождение из глубинки важно лишь для меня? Осмелюсь предположить, что нет, и осмелюсь написать, что покинуть эту страну дерева, воды и стекла, означает идти по краю, по по man's land, стремиться к пределу, перешагнуть через парапет, выйти из тени к свету. Я – и там, и здесь, ухожу и возвращаюсь в свой зал потерянных шагов, из часовни на лужайку, из Лотарингии в Украину, из одного Берлина в другой, из Праги в Японию. Гора за горой, река за рекой, как и мой китайский дядюшка, я с сомнением ищу какой-нибудь путь. Мне недостаточно призывать вымышленных дядюшек, я взываю к Художнику Ночей, ведь я слышал, что в глубине колодца есть веревочная лестница, сплетенная из мельчайших узелков, а наверху у края колодца, у подножия некоего дерева – яблони либо мирабели, березы либо бамбука – стол молчания, куда можно положить мой белый лист. Писать, чтобы вернуться издалека, писать,

чтобы подняться по склону, чтобы начать с нуля, как будто ничего не было. Мятеежник, писатель с Востока упражняется в искусстве умолчания, пишет между строк, переходит от плана к плану, все зигзагообразно. Письмо раскачивается, вальсирует, уподобляется фуге, дает понять больше, чем говорит: шепот на ушко, блеск зрачка. Наступает момент, когда пишу не я, пишет Восток во мне, ведь Восток не та земля, где мне пустить корни, фундамент, на котором воздвигнуть произведение, могила, где умереть, это живое место, утраченное и обретенное, это направление путешествия, в противовес вторжениям, к неясному восходу. Всегда пишешь свой первый или последний текст. Хрип умирающего или крик новорожденного? Всеу свое время. Время сосредоточенности, поиску себя, отчаянию, время удивлению, фонтанированию. Какой жанр может лучше, чем новелла, между вымыслом и реальностью, прозой и поэзией, передать эти блуждания, эти переходы и выявить удивительные сходства?

Мішэль Луё

Я ПІШУ З УСХОДУ

Мае мясціны – на Усходзе. Я родам з разарванай Латарынгіі, маё дзяцінства поўніцца гісторыямі пра хованкі, цёмныя пакоі і вобыскі. Гэтую правінцыю, аддаленую ад «Усяго Парыжа», адны завуць краем арыгінальнасці, іншыя – краем маргінальнасці. Местачковае паходжанне важнае толькі для мяне? Адважуся выказаць здагадку, што не толькі, і адважуся напісаць, што пакінуць гэты край дрэва, вады і шкла – азначае ісці па ўскрайку, па no man's land, імкнуцца да мяжы, пераступіць праз парапёт, выйсці з ценю да святла. Я – і там, і тут, сыходжу і вяртаюся ў сваю залу страчаных крокаў, з капліцы на лужок, з Латарынгіі на Ўкраіну, з аднаго Берліна ў іншы, з Прагі ў Японію. Гара за гарою, рака за ракою, нібы мой кітайскі дзядзька, я няўпэўнена шукаю які-небудзь шлях. Мне недастаткова згадаць выдуманых дзядзькаў, я заклікаю Мастака Начэй, бо я чуў, што ў глыбіні калодзежа ёсць вераўчаная лесвіца, сплеченая з драбнюткіх вузельчыкаў, а наверху, ля калодзежнага зруба, у падножжы нейкага дрэва – яблыні або мірабелі, бярозы або бамбуку – стол маўчання, куды можна пакласці мой белы аркуш. Пісаць, каб вярнуцца здалёку, пісаць, каб узняцца па схіле, каб пачаць з нуля, быццам нічога не было. Бунтар, пісьменнік з Усходу практыкуецца ў мастацтве змаўчання, піша паміж радкамі, пераходзіць ад плана да плана, зігзагападобны. Письмо разгойдваецца, вальсуе, прыпадабняецца да фугі, дае зразумець больш, чым кажа: шэпт на

вушка, бляск зрэнкі. Настае момант, калі пішу не я, піша Ўсход ува мне, бо Ўсход не тая зямля, дзе мне пусціць карані, падмурак, на якім узвесці твор, магіла, дзе памерці, гэта жывое месца, страчанае і здабытае, гэта кірунак вандравання, у процівагу ўварванням, да невыразнага ўыходу сонца. Заўсёды пішаш свой першы ці апошні тэкст. Хрып таго, хто памірае, ці крык таго, хто нараджаецца? На ўсё свой час. Час на засяроджанасць, пошук сябе, распач, час на здзіўленне, фантанаванне. Які жанр можа лепш, чым навэла, паміж вымыслам і рэальнасцю, прозай і паэзіяй, перадаць гэтыя блуканні, гэтыя пераходы і выявіць дзіўныя падабенствы?

Мишель Луйо

ФРАНЦУЗ С ВОСТОКА

«Француз с Востока» – так называется один из моих рассказов, входящий в сборник «Обезьяна Гёте».

В 70-х гг. я преподавал французский язык в Губкинском институте в Москве и однажды зимним днем, выходя из здания института, я придержал большую тяжелую дверь для студентки, идущей следом. Приятно удивленная, она спросила, какой я национальности. Как вы все прекрасно знаете, в Советском Союзе существовала разница между национальностью и гражданством – и то, и другое по-французски называется *nationalité*. Я ответил, что по национальности француз. «Я не знала, что существуют советские французы!» – воскликнула она. Сама она только-только приехала откуда-то из Якутии. Нет, я не был советским французом. Однако я запомнил эту встречу, которая вновь убедила меня в неоднозначности моей идентичности. Я был и до сих пор остаюсь «французом с Востока». И поэтому сегодня я здесь.

«Я пишу с Востока» – это основной, ключевой текст в моем творчестве, включенный в сборник рассказов «Японка из Праги». Пишу я на французском, хотя мне удалось написать пару рассказов на русском и несколько на немецком. Я изучал классическую филологию, греческий язык и латынь, а также средневековую французскую литературу. Два ее аспекта привлекали меня – это аристократизм, но в то же время народные истоки. В одиннадцать лет я начал свое классическое образование в религиозном коллеже, где чтение Расина и Мольера было обычным делом. И позднее, в течение моего тридцатитрехлетнего пребывания за границей, я оставался далек от модных течений парижской литературы.

Если рассматривать меня как писателя с Востока, то объяснить это можно, прежде всего, моими корнями. Почему я считаю себя «французом с Востока»? Дело в том, что я родился в провинции Лотарингия, которая до 1767 г. пыталась сохранить свою независимость от Королевства Франции и Священной Римской империи германской нации, пока не отошла к Франции. Дважды, в 1841 и 1940 гг., герцогство Лотарингия было аннексировано Германией, и дважды оно возвращалось в состав Франции.

Промышленная Лотарингия привлекала мигрантов из Восточной Европы: поляков, словаков, украинцев. Во время Первой и Второй мировых войн в Лотарингию направлялись пленники из России. И, наоборот, часть лотарингцев из департамента Мозель была мобилизована в немецкую армию и отправлена на Балканы, в Польшу и Россию. Наследником всей этой истории я и являюсь.

Я очень рано уехал из Лотарингии, чтобы жить и работать в Центральной и Восточной Европе, затем в России, а позднее и в Японии, откуда я несколько раз выбирался в Корею и несколько раз в Китай. «Внутренняя Лотарингия» – такое название я дал своему эссе, опубликованному в книге «Барашек у красной двери». Я находился вдали от родной страны, и это, безусловно, повлияло на мое мировосприятие. Я был привязан к Лотарингии, но, скорее, к «внутренней Лотарингии», нежели к Лотарингии географической. Лотарингскими мастерами, к которым я обращался, были отнюдь не писатели, но художники. Среди них Жак Калло, изобразивший в гротескной манере «Большие бедствия войны» (речь идет о Тридцатилетней войне), и в особенности Жорж де Латур, художник светотени, художник внутренней жизни. Как вы поняли, Лотарингия – земля подвижная в своих границах, и в то же время зажатая между Королевством и Империей. Именно такое пограничное положение сделало меня, если можно так выразиться, «человеком границы» – одновременно подозрительным и любознательным. Я хотел видеть, что же происходит по другую сторону границы. После войны я, например, ездил на велосипеде в Германию, чтобы навестить своих двоюродных братьев. В отличие от Парижа, который называли «Городом Света», Эльзас и Лотарингия даже после Второй мировой войны считались «потерянными провинциями», находящимися далеко на периферии. Для меня это ощущение все еще актуально: я по-прежнему нахожусь вдали от двора, вдали от короля, вдали от интеллектуальной гегемонии Парижа.

Один из моих предков участвовал в русской кампании Наполеона. Во время Первой мировой войны мой дед со стороны отца был солдатом-пекарем в немецкой армии на Балканах, другой дед – военным поваром в Польше и России. Оба были призваны на службу

против своей воли для участия в чужих конфликтах. В своем творчестве и судьбе я следую по стопам предков. Как и они, я ощущаю трагичность и одновременно бессмысленность многих поворотов европейской истории двадцатого века.

Для жителей Эльзаса и Лотарингии Восток – это, прежде всего, Германия. Первые мои воспоминания в лотарингском городке, где я родился, носят отпечаток Оккупации. Мой отец, вернувшись в 1940 г. из лагеря военнопленных близ Берлина, решил вступить в Сопротивление. Это было тревожное время. Мне было 6 лет, когда я присутствовал при обыске нашего дома и когда меня допрашивали. «Где твой папа?» – этот вопрос до сих пор, спустя годы, звучит в моей голове. Моя семья едва избежала ареста. Весь последний год войны мы с моим братом прятались в амбаре.

Было еще неоднозначное событие, своего рода «светотень», которую я пережил сразу после войны, когда мои родители развелись. Два года спустя в реке Мозель утонул мой отец. Расставание родителей, гибель отца – мне потребовалось немало времени, чтобы понять, что такая рана одновременно может стать началом чего-то нового. Без сомнения, писательство помогло мне преодолеть эти травмы. Позднее расставание родителей вкупе с непрерывным дележом моей родной провинции переносилось мной и на разделение мира железным занавесом.

Отсюда и мое сопереживание людям, живущим по ту сторону границы, именно оно привело меня в Центральную и Восточную Европу и в СССР в период с конца 60-х по конец 80-х гг. Это был значимый опыт, повлиявший на мое мировоззрение: феномен, над которым я продолжаю размышлять и о котором пишу.

Мое стремление свести все к смеху, гротеску, иронии и мысль о том, что любые беды можно пережить, если отнестись к ним с юмором, пришли ко мне от Гоголя, Ильфа и Петрова из России, Славомира Мрожека из Польши, Караджале из Румынии, Иштвана Эркеня из Венгрии, Карела Чапека из Чехии, от других писателей и, конечно, от обычных людей, деливших шутками и анекдотами. Мы смеялись по-восточному, не по-западному. Это не шутка.

С 1983 до 1986 гг. я работал в Москве в качестве атташе по культуре, занимался культурными обменами артистов, художников. Осенью 1986 г. я приехал в Прагу, этот город алхимии, где я занял свой последний пост в Восточной Европе. Как раз там я и встретил знаменитого чешского писателя с неподражаемым чувством юмора Богумила Грабала. Именно благодаря ему и французскому писателю из Лотарингии Франсуа Нурисье я начал писать. Там же в Праге я пережил еще один значимый опыт – сердечный приступ и следом за ним заражение крови. Легкое парение по синеватому тоннелю и

слепающий свет вдали – вот что я видел. После моего возвращения к жизни, которое произошло вопреки всем ожиданиям, я решил отправиться в Японию. Это было за месяц до падения Берлинской стены.

Тень и тишина привлекали меня задолго до приезда в Японию. Моя тяга к ним началась с барака в разрушенной войной деревне, где я провел детство. Тяга эта восходит к эпохе, когда комнаты освещались керосиновыми лампами, и даже еще раньше – к эпохе полотен Жоржа де Латура. Но эта тяга не имеет ничего общего с современной шумной Японией, она связана со старой Японией, страной поэзии и живописи, садов и храмов. Любовь к строгим формам привела меня к торжественности де Латура и к классическому французскому искусству, в котором Расин достиг вершин при помощи своей литоты. Мой темперамент также повлиял на мою любовь к кратким формам повествования, например, к рассказу, мастером которого для меня был и остается Антон Чехов.

После Японии я решил вернуться в Страсбург – город Гутенберга, книг, город-врата и город-перекресток, город, где я учился. Это идеальное место для путешествия по разным слоям памяти. Этот европейский город смотрит в сторону Германии и Центральной и Восточной Европы. В Страсбурге, который являлся центром мистических течений, я посредством писательства веду диалоги с мертвыми: с моим двоюродным дедушкой, который был художником, и моим сыном, который был поэтом. Память, о которой я говорю, повернута не в прошлое, но в будущее, это «созидающая память», как говорил персидский мистик Сухраварди.

Как же я могу себя определить? Европейский писатель, пишущий на французском языке, полностью принадлежащий старой, истерзанной, расколота Европы, разрывающейся между неизбежной глобализацией и стойким желанием сохранить свою собственную идентичность. Однако, несмотря на то, что я остаюсь привязан к своей родной земле, во мне живет очень сильное желание открывать двери во времена и пространства. И в этом я вижу миссию своего писательского творчества.

ВСТРЕЧА С ПИСАТЕЛЕМ: ПОСЛЕСЛОВИЕ

Ірына Багдановіч
БДУ, Мінск

Сярод навуковых сустрэч і абмеркаванняў падчас канферэнцыі
“Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай” на філалагічным

факультэце БДУ асабліва запомніўся “круглы стол” з удзелам французскага пісьменніка Мішэля Луё “Пісьменнік у дыялогу Ўсходу і Захаду” (23 кастрычніка 2015 г.).

Было крыху нечаканым і дзіўным даведацца, што ў Францыі, якая з Беларусі бачыцца як “чысты” і “стопрацэнтны” ЗАХАД (як у геаграфічным, так і ў культуралагічным сэнсе), аказваецца ёсць рэгіёны (прынамсі Латарынгія, адкуль родам Мішэль Луё) з падвоянай ідэнтычнасцю “ўсходу-захаду”, якая адмыслова адбіваецца на свядомасці і светаўспрыняцці людзей. Для Беларусі такі феномен у пэўным сэнсе лёсавызначальны (тут спрадвеку свае “ўсходнікі” і “заходнікі”), мы ўжо нават гістарычна звыкліся з тым, што жывем на культурным і гістарычным памежжы (нават цывілізацыйным), чым абумоўліваюцца адметнасць і складанасць быцця нашага народа, а таксама наяўнасць тых праблем, з якімі іншыя народы проста не сутыкаюцца, што вымагае адмысловай талеранцыі (напрыклад, у сферы рэлігійнай). Аказалася, што ў Беларусі нашмат больш агульнага з Францыяй, чым я дагэтуль уяўляла.

Сярод пытанняў, якія задавалі французскаму пісьменніку, жывую цікавасць выклікалі таксама яго рэфлексіі аб Японіі, дзе ён досыць працяглы час жыў і меў непасрэдны досвед аб культуры і быццё японцаў, іх адметнасці – спецыфічнай “кадзіраванасці”, якую цяжка спасцігчы, не будучы японцам.

Сур’ёзнасці матэрыі, пра якую гаварыў пісьменнік, ніколі не замянала нязмушанасць гаворкі, жартаўлівасць тону. Мішэль Луё валодае дзівосным спалучэннем літаратурнага таленту з адметным вобразным сімвалізмам мовы, глыбокім жыццёвым досведам і вопытам дыпламата, вандроўніка, чалавека з адкрытым сэрцам, а таксама пачуццём адмысловага іскрыстага і тонкага гумару. І гэтым усім ён шчодро дзяліўся з намі, сваімі слухачамі, пад час сустрэчы. А таму здавалася, што Беларусь і Францыя зусім блізка, што іх не аддзяляюць шматлікія горы і рэкі Еўропы і моўныя бар’еры, і што ў такім давяральным творчым сумоўі – найлепшы шлях да ўзаемаразумення народаў.

Елена Борисеева,
БГУ, Мінск

Постигая художественный текст, мы неизбежно пытаемся создать в своем воображении образ его создателя. Мы буквально «вчитываем» в произведение свое представление об авторе. И дорогого стоит, когда получаешь возможность соотнести этот образ с тем, как видит себя сам писатель, когда проникаешь в «святая святых»

– творческую лабораторию, становишься свидетелем рождения целого мира. Приобретая эстетическую форму, рассказ о реальных событиях превращается в вымышленную историю «как если бы...», а самая невероятная выдумка, обрастая реалистичными подробностями, убеждает больше, чем неоспоримый факт. Главное – заставить читателя поверить. Такого рода магическим сеансом с филологической подоплекой стало общение с французским писателем, преподавателем и дипломатом Мишелем Луйо.

Рассказ Мишеля Луйо о своих жизненных перипетиях наполнил жизнью сухую литературоведческую теорию творческой индивидуальности писателя. Какие аспекты определяют ее своеобразие? Под влиянием каких факторов она формируется? Откуда к писателю приходят сюжеты и образы? Ответы на все эти вопросы приходили в процессе беседы с человеком-эпохой, чей бесценный опыт открытия разных стран и культур, встреч с разными людьми получил художественное переосмысление в романах и новеллах. Человеческие судьбы на разломах большой истории – одна из главных тем Мишеля Луйо. Его произведения, следуя лучшим традициям французской литературы, возвращают изящную словесность в русло гуманизма и говорят от имени человека и во имя человека. Мне кажется, Мишель Луйо немного лукавит, отделяя себя от литературного мейнстрима. Для нас он стал воплощением французского духа с его открытостью новому опыту, настроенностью на диалог, желанием услышать Другого, равно как и ярким представителем современной литературы, для которой характерны игровая поэтика, взаимодействие реального и вымышленного, гибридизация разных форм, гиперцитация и полистилистика.

Особую ценность имеют такого рода встречи для студентов-филологов. В живом общении с состоявшимся писателем, произведения которого вызывают неподдельный интерес, молодые люди приходят к ответу на вечный вопрос: что может литература? Разговор с Мишелем Луйо, чье творчество открыто чужому опыту, помогает осознать одну из определяющих функций литературы: формируя умение «впускать в себя» чужое сознание, книга воспитывает уважение к Другому, его слову, мысли, чувствам. И сегодня, когда градус нетерпимости к чужой нации, чужому языку, чужой вере, чужому мнению зашкаливает, так важно понимать: именно книга, как встреча двух сознаний, дарит нам мудрость принятия инакового.

ОТЗЫВЫ СТУДЕНТОВ

Помимо участия в круглом столе, французский писатель, преподаватель и дипломат Мишель Луйо прочитал цикл лекций для студентов отделения романо-германской филологии филологического факультета БГУ. В лекциях затрагивались как аспекты индивидуального творчества, так и место писателя в диалоге Востока и Запада. Студенты получили возможность познакомиться с основными факторами формирования творческой индивидуальности Мишеля Луйо на границах культур и эпох, открыли для себя его ключевые тексты, жанровая палитра которых очень широка – это романы, новеллы и эссе.

Анна Новикова, 2 курс отделения французской филологии: Лекции Мишеля Луйо – великолепная возможность познакомиться со спецификой современной французской литературы. Произведения этого автора раскрывают важнейшие психологические проблемы через диалог восточной, русской и французской культур. Мишель Луйо использует собственный опыт работы в сфере дипломатии, дополняя свой рассказ примерами уникальных культурных особенностей региона Эльзас, родины писателя. Мы получили возможность насладиться богатым французским языком лектора, его неповторимой манерой подачи материала.

Виктория Гурий, 3 курс отделения французской филологии: Встреча с М. Луйо прошла для меня очень плодотворно. Было здорово общаться с носителем языка и понимать абсолютно все, что он рассказывал, несмотря на то, что французский язык я учу только третий год. Хотелось бы, чтобы сотрудничество с зарубежными университетами развивалось, чтобы приглашались с лекциями писатели и преподаватели из разных стран. Тогда у студентов и преподавателей нашего вуза было бы больше возможностей по обмену опытом, знаниями по интересующим темам.

Анна Михайловская, 4 курс отделения французской филологии: Неотъемлемая составляющая литературы – люди, это не только то, что они пишут, но и то, что они говорят. Поэтому встречи с настоящими, живыми, осязаемыми писателями важны, причем не только в литературоведческом, но и в языковом планах: часто ли выпадает возможность пообщаться с носителем языка? Пусть они приезжают к нам чаще. Пока они далеко, современная литература – теория и абстракция. А когда они рядом, литература – жизнь.

Кахановская Дарья, 3 курс отделения французской филологии: Встретившись с французским писателем Мишелем Луйо, я открыла для себя современную литературу с другой стороны. Писатель поведал нам о своей увлекательной и трудной жизни, представив собственное творчество без всякого пафоса. Я рада, что мне довелось лично общаться с таким солнечным человеком, как Мишель Луйо.

Анастасия Рыдлевская, 3 курс отделения французской филологии: Встреча с Мишелем Луйо незабываема. Я в восторге от этого светлого человека с отличным **чувством** юмора. Лекции воспринимались очень легко, и я бы хотела, чтобы такие встречи проходили у нас на филологическом факультете регулярно. Спасибо организаторам за предоставленную возможность общения с современным французским автором!